
Т. А. Сироткина (Туансе, Россия)

УДК 821.161.1

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОНОМАСТИКОН КАК СРЕДСТВО ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОНОМАСТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

***Реферат.** Статья посвящена анализу различных разрядов регионального ономастикона с когнитивной точки зрения. Автор приходит к выводу о том, что отражением представлений человека об окружающем мире имён являются ономастические категории. Получая репрезентацию посредством различных ономастических единиц, они строятся на основе определённых ономастических концептов, являющихся средством объективации категориальных смыслов.*

***Ключевые слова:** региональный ономастикон, ономастическая категория, ономастический концепт.*

Проблема взаимосвязи языковых и когнитивных структур привлекает в последнее время пристальное внимание учёных-лингвистов. Не являются исключением и работы по ономастике, в которых рассматриваются специфические средства объективации категориальных смыслов – имена собственные.

Особое место в ряду лексических категорий занимают ономастические. Под ономастической категорией вслед за А. С. Щербак мы понимаем “объединение имён собственных на основе общего концепта (концепта имени)” [3, с. 80]. По её словам, “система ономастических знаний определяет природу и структуру ономастических категорий”.

Цель настоящей статьи – на пермском ономастическом материале (в частности, представленном лишь в одном лексикографическом издании – «Словаре русских говоров Южного Прикамья» под общей редакцией д.ф.н., профессора И. А. Подюкова) рассмотреть особенности репрезентации ономастических категорий в языковом сознании носителей пермских говоров.

Одной из важнейших ономастических категорий, безусловно, является антропонимическая. В её основе лежат ономастические концепты, репрезентированные ономастическими единицами, служащими для называния людей. Интересные наблюдения, на наш взгляд, дает не просто исследование образующих данную категорию концептов (“Имя”, “Фамилия”, “Прозвище” и т. д.), но и выявление периферийных членов категории, служащих средством объективации других концептов, образующих такие ономастические категории, как:

1) технонимическая (Захар – грузовик ЗИС-513 послевоенного времени): “Машина у меня была – Захаром звали, трехтонка, деревянная кабина. Во время войны они были, Свердловск выпускал” [1, с. 323];

2) библионимическая (Кириллова книга – одна из особо почитаемых в старообрядчестве книг, сочинение Святого Зизания «Казанье Святого Кирилла об антихристе и знаках его»): “Не лечит она, книга эта, Кириллова, она только по молению” [1, с. 391];

3) фитонимическая (Любка, Мария, Иван-голова, Василиска): “Любку брали и заваривали от золотухи” [2, с. 43]; “Трава вот есть – Мария называется. У нас тут только в одном месте, в логу растет. Листочки у ей много и как лаковые, не очень крупные. А цветет она сиреневым цветом, мелконький цветочек, и много их – как шапочка” [2, с. 59]; “Иван-голова в темных местах в лесу растет, от болезней, сказывают, помогают; которы его от почек пьют” [1, с. 339]; “Василиску цветок собирали тоже – от нервной системы она хорошо” [1, с. 99];

4) астрономическая (Варвара): “Ярка-та ясна звезда – Варвара, а вечерняя-то Венера” [1, с. 98];

5) хрононимическая (Алексей зажигательник (Алексеевская), Ванька грязный, Тимофей-весновой, Герасим-грачевник, Дарья грязная, Евдокия, Егорей, Елена, Ерема (Еремей),

Иван Наперстник): “Признавали Алексеевску в которых местах, весной” [1, с. 28]; “Ванька грязный осенью, в сентябре будет” [1, с. 97]; “В марте в начале Тимофей-весновой живет; стары-те люди говорят – медведь из берлоги вылезат об эту пору, на Русь сорок пичуг прилетает” [1, с. 111]; “На Герасима Грачевника в марте стряпали. Как грачи прилетят, они ведь поразному прилетают в разные срока. Печенья всякого напечешь, всякими формами. И сами ели, и грачам кидали, чтобы урожай был хороший, в поле бегали” [1, с. 176]; “Дарьи справляли именины первого апреля, в Дарью грязную. Вода в проруби грязная дак” [1, с. 214]; “Евдокия – маленькие лужи, весна начинается. Говорят, Евдокия голубка напоит если, то Алексей быка напоит” [1, с. 262]; “В Егорей которые бедные, дак обязательно ходили побираться в соседние деревни” [1, с. 262]; “К Елене отсевались, самогонку варили, песни старинные пели” [1, с. 265]; “На Каму переехали – собрание делали по домам. У нас дома собрание было, какие праздники престольные делать. Мужики решили, а у бабушки спрашивали у моей, какой праздник больше. Ерему сделали весной, а осенью – Михайлов день” [1, с. 266]; “Говаривали – на Еремея ленивая соха выезжает пахать” [1, с. 267]; “В Ивана Наперстника робить нельзя, пальцы будут болеть, надо по травы ходить” [1, с. 339].

Градация онимов по степени типичности позволяет выделить внутри категории более типичные и менее типичные ее члены. Такой разряд онимов, как коллективные прозвища, относится к менее типичным членам антропонимической категории и несёт в разных случаях различную семантическую нагрузку. В некоторых случаях это именованья, образованные от катойконимов, не имеющие коннотации (ключевчане – жители села Ключи Суксунского района, кунгурщина – жители Кунгура и окрестностей), в других – насмешливые или презрительные именованья (курашма – о коренных жителях села Курашим Пермского района, в речи которых заметны местные диалектные особенности), в третьих – прозвища, связанные с местными традициями и укладом жизни (векшееды – жители д. Средняя Атняшка Чернушинского района, долгозипунники – жители д. Бурыловки Березовского района): “А с ключевчанамы мы хорошо знались: то мы к ним, то они к нам” [1, с. 391]; “Кунгурщина как выходные, едут – полные воза везут. И

дорожки делали. Артель была – матерью красили” [1, с. 445]; “Как услышит, что мы так говорим, так сразу и скажет: “Ну, курашма” [1, с. 447]; “Не знаю почему, но среднеатняшинских звали векшедами: белок, што ли, там ели” [1, с. 104]; “Деревня Бурылово – там опять их называли долгозипунники, они вместо шуб зипуны носили, и ябуровских называли опришамми” [1, с. 239].

Единицы топонимической категории, по наблюдениям А. С. Шербак, более консервативны и устойчивы, нежели единицы других топонимических категорий. Подтверждением этого факта являются бытующие в пермских говорах фразеологизмы, отражающие представления человека об окружающем пространстве. Оценке подвергается обычно рациональность выбранного пути (через Кунгур да в Осу – о сделанном по пути крюке): “Чё-то ты шибко долго ездил, видно, через Кунгур да в Осу” [1, с. 445]. Прецедентный топоним Москва используется как в сочетаниях, имеющих положительную коннотацию (доехать до Москвы – родить мальчика), так и в паремиях, имеющих иронический оттенок (в Москве в три лаптя звонят – о чьей-либо мнимой известности): “Парня родишь – до Москвы доедешь, а девка – это чужой товар” [1, с. 237]; “Видно, Оля, про тебя в Москве в три лаптя звонят – все уж тебя знают” [1, с. 327].

Агионимическая категория отражает представления человека о Боге. Репрезентацией духовной культуры народа, его религиозных устоев являются функционирующие в речи жителей региона агионимы. Участие Бога в жизни каждого человека представлено такими фразеологизмами, как Господь пасет, Господь отнес: “Я всем желаю добра, вот Господь, может, меня за это и любит, пасёт”; “Вот слышит он – ходит по избе-ко, стукатся-стукатся, шабаркатся-шабаркатся, ходит, а попасть-то не может домой-ту. А двери все огражденные. Потом как хряснет на крыльцо-то двери. Они утром посмотрели, дак на дверях-то как конье копыто выдавленное осталось. Вот это враг. И больше с тех пор, Господь отнес, и больше не бывал” [1, с. 197]. Не случайной в этом смысле является и форма Господько, отмеченная в говорах: «У нас, у православных, самая сила – это крест. “Господько, благослови”, - и все, и никто тебе не покажется» [1, с. 197].

Если придерживаться широкого понимания ономастической лексики, при котором в поле зрения попадают этнонимы (названия народов), то к числу ономастических будет отнесена и категория этничности, отражающая представления человека о своём и соседних этносах.

Таким образом, отражением представлений человека об окружающем мире имён являются ономастические категории. Получая репрезентацию посредством различных ономастических единиц, они строятся на основе определённых ономастических концептов, являющихся средством объективации категориальных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. I / под ред. И. А. Подюкова. – Пермь, 2010. – 456 с.
2. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. II / под ред. И. А. Подюкова. – Пермь, 2012. – 502 с.
3. Щербак, А. С. Ономастические категории: соотношение языковых и когнитивных структур / А. С. Щербак // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – С. 78 – 83.

Сироткина Т. О.

РЕГІОНАЛЬНИЙ ОНОМАСТИКОН ЯК ЗАСІБ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ ОНОМАСТИЧНИХ КАТЕГОРІЙ

Стаття присвячена аналізу різноманітних розрядів регіонального ономастикона з когнітивної точки зору. Автор вважає, що ономастичні категорії відображають погляд людини на внутрішнє буття ономастикона. та, в свою чергу, будуються за принципами певних ономастичних концептів (Східноукраїнський лінгвістичний збірник, вип. № 15, 2014, с. 60-65).

Ключові слова: регіональний ономастикон, ономастична категорія, ономастичний концепт.

Sirotkina T. A.

REGIONAL ONOMASTICON AS A METHOD OF ONOMASTIC CATEGORIES VERBALIZATION

The paper deals with the analysis of different kinds of regional onomasticons from the cognitive point of view. The author considers

that onomastic categories show the inner existence of onomasticon, being built on the principles of certain onomastic concepts (East-Ukrainian linguistic collection, ed. № 15, 2014, p. 60-65).

Key words: *regional onomasticon, onomastic category, onomastic concept.*